

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПРОГРЕССИВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

«Слово — полководец человеческой силы! — писал великий мастер боевой, действительной поэзии Владимир Маяковский. Огромные силы объединились в армии борцов за мир. Писатели, как виднейшие представители прогрессивной общественности, играют исключительно важную роль в деле сплочения рядов этой великой армии. Верю, в каждой стране, простые люди с гордостью и благодарностью называют имена лучших мастеров художественного слова, отдающих свой талант священному делу борьбы за мир.

В странах Запада прогрессивным писателям принадлежит почетная роль в деятельности комитетов защиты мира и многочисленных общественных организаций и органов печати, отстаивающих интересы простых людей.

«Задача углубить и расширить нашу борьбу за мир, — пишет немецкая писательница Анна Зегерс, — налагает серьезные обязанности на каждого человека... Для нас, писателей, эта задача является основной. Она должна определить всю нашу деятельность».

Исно и точно говорит о своем долге литератора молодой талантливый французский писатель Андре Стиль: «Мы должны бороться не только как общественные деятели, но и как писатели. Мы должны рассказать о том, что происходит в уме и в сердце рабочего, который отказывается производить оружие, в уме и сердце девушки, бросающей на рельсы, чтобы остановить поезд с военным грузом... Только тогда мы сможем создавать произведения, способные волновать и приводить в движение широкие народные массы».

Писатели — борцы за мир создали уже целый ряд таких произведений, которые помогают людям, придерживаясь к самым различным взглядам, правильно осознать уроки недавнего прошлого, ясно осознать нависшую над миром угрозу войны и увидеть реальные пути ее предотвращения. Только за один истекший год было опубликовано зарубежных сторонников мира пошлостью таких ценными произведениями, как первые выпуски романа Луи Арагона «Коммунисты», как роман Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми», роман Джеймса Олдриджа «Дипломат», сборники рассказов Андре Стиля и др.

Разнообразна тематика этих книг, но все они имеют одну общую черту — их авторы сознательно руководствовались в своем творчестве стремлением создать такие произведения, которые помогли бы читателям правильно оценить опыт недавнего прошлого и уроки настоящего. Для того, чтобы напряженная борьба народов за мир увенчалась успехом. Роман Арагона на примере предвещает историю Франции показывает французскому народу, что только в лице французской компартии он имеет истинного защитника своих интересов. Роман Анны Зегерс, охватывающий историю Германии с 1918 по 1945 год, вскрывает корни немецкого фашизма, вооружает борцов за демократизацию Германии и облегчает англо-американских империалистов, возмущающих ныне фашизм в Тризонии. Прогноз британской дипломатки, будущей заложницы против дела мира, разоблачен в новом романе Олдриджа. В последнем сборнике рассказов Андре Стиля «Корабль уходит в море» читатель знакомится с мужественной борьбой французских трудящихся за мир на современном этапе движения сторонников мира.

Актуальность и острота проблем, поставленных в этих произведениях, завоевали им самую широкую читательскую аудиторию. Это особенно хорошо видно на примере развернувшейся во Франции кампании за распространение прогрессивной книги. Менее чем за десять дней в одном только охваченном забастовкой докеры Марселя и его окрестностях было продано на 1.200 тысяч франков книг прогрессивных писателей Франции и произведений советских авторов, переведенных на французский язык.

Один из участников этой кампании, молодой крестьянин Гастон Вьен из деревни Сен-Рем-де-Прованс, рассказывает: «Мы начали продажу книг в нашей деревне в 9 часов утра, и к 12 часам мы продали их больше чем на 55 тысяч франков. Крестьяне любят хорошие книги, и нужно, чтобы они у них были... Мы не отдаем книгу за деньги от нашей борьбы с поджигателями войны, так как мы знаем, что каждое прогрессивное произведение

ТЕГИ ЧЕН НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Над городом — тумана клубья, соленая густая тьма; придаленные лапой ночи к земле сгибаются дома, деревья ежатся от страха; как пасть кита, стены пролом. И вдруг огонь мигнет из мрака, и выстрел грянет за углом, и как лапы вырастают, летят и тьму в лоскутья рвет...
Здесь порт Ису. Здесь восстание. Здесь за свободу встал народ. И в небо, словно уголь, черном на яро-огненных крылах, народную кровью освещенный, республика взлетает флаг. Встань и прислушайся, не веря тупой всесильности свинца, — здесь шелом мести вся Корея стучит, стучит, стучит в сердца и, затанцовывая, ждет сигнала, чтоб с этим врагом заодно убийц, наемников доллара, отравить в землю и на дво!

Гремешный чуть не сутки краду, хранит у школы грузинка, торчат из кузова приклады, к ребру ребром притерся штаны — из полицейского участка свист. Испробует двойные южнокорейские «начальство» сталь на собственной спине!

Рабочий, командир отряда, из кузова грузинка, летит винтовка. Тут бы надо состав, да нет его пока. И сотни грузинских портных стоят, покачиваясь в лад — они хоть сутки ждать готовы, чтоб ощутить в руках приклад. И одному из них, седому, придавленному грузом лет, советуется:

А тогда близится и рассвету, а корабль трупит беду, — и слышен динкий вой снаряда, и пламя прыгает кругом, и кто падает, и рядом трещит, в дыме казаясь, дом. Но, над огнем и гроном рея, крик, нахватавшись издалека, все изначало,
— Вой из Кореи, американские войска!

Так ночью в улицах Ису, крошечный мрак взорвал и взрыв, штыря взошла, подобно лесу, и прозвучал борьбу призыв, и толпам всяческого сброда, что в тьме шло, как сытый слот, не преградишь пути народа, что смело двинулся вперед!

Большой перевод с корейского
Н. ГРИВАЧЕВА

является наступательным оружием против растленных книг, в которых с помощью порнографии, гангстеризма и философии отчаяния борются с передовыми идеями нашего времени».

Орган прогрессивных французских писателей — газета «Леттр фрэнсаз» печатает десятки подобного рода писем, в которых читатели газеты рассказывают, как помогает им прогрессивная книга в борьбе за мир, как укрепляет она их веру в возможность предотвращения войны. «Плох тот борец за мир, — говорится в одном из таких писем, — который пренебрегает чтением... Книга является самым надежным оружием в руках борца за мир».

Американские поджигатели войны отдают себе ясный отчет в том, что прогрессивная книга, указывающая реальные пути предотвращения войны, — их опаснейший враг. Они пытаются подорвать веру в надежность этого оружия. В те самые дни, когда бастующие докеры Марселя слушали на читательских конференциях выступления Луи Арагона и на свои скудные средства, зачастую вкладывая, покупали книги прогрессивных французских и советских писателей, зная, что в них они найдут ответ, как бороться против войны... рупор американской реакции, журнал «Саттердейв эвнинг оф Литерачур» демagogически вешал: «Было бы напрасным трудом перерывать всю мировую литературу, начиная от «Тринок» Эришмидта и кончая «Шо кому звонит колокол» Хемингуэя, в поисках ответа, почему происходят войны».

Реакционные критики в США из кожи лезут вон, чтобы внедрить эту «истину» в сознание читателей. Лакон американских аггессоров, развазавших кровавую авантюру в Корею, они поднимают на щит именно такие произведения, где автор ставит своей целью «доказать» неопозитивность причин возникновения войн.

Характерно, что американская реакционная пресса поднимает рекламную шумиху вокруг романа некоего Артура Филдса «Мир без терев», который был объявлен лучшей книгой о второй мировой войне потому, что автор, описывая войну как «стихийное бедствие», стремится убедить в беспоследности борьбы за мир.

Распространение таких взглядов — на руку поджигателям войны, вставшим ныне на путь открытой агрессии. Они делают на них главную ставку, надеясь посеять в рядах борцов за мир неверие в свои силы. Слово прогрессивного писателя призвано разоблачить эту тлетворную пропаганду и показать мощь лагеря сторонников мира.

«Каждый человек, — говорил на римской сессии Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира Фредерик Жолио-Кюри, — должен проникнуться убеждением, что проблема войны и мира касается его лично и непосредственно. Он не может испытывать чувства бессилия, ибо одновременно с ним на всех широтах земного шара миллионы людей ставят перед собой те же вопросы, борются за мир и сосуществование его действиями в защиту мира своими действиями».

С напряженным вниманием следят сторонники мира в каждой стране за успехами, которые одерживают их товарищи в других странах. Роман, повесть, пьеса, очерк, публицистическая статья, ярко и правдиво рассказывающие об этих успехах, разоблачающие поджигателей войны и их пособников, призваны сыграть величайшую организаторскую роль в мобилизации всех прогрессивных сил человечества на борьбу за обуздание аггессоров. Участие в борьбе за мир еще теснее сблизает писателя с народом, с простыми людьми, духовно, творчески обогащает его.

Империалистический лагерь и его агенты отвечают на успехи движения сторонников мира усилением подрывной провокационной деятельности. Их главным оружием являются ложь и клевета. Правдивое слово прогрессивного писателя показывает всем людям подлинное лицо их друзей и их врагов.

Антихудожественным, декадентским, упадочническим писанием буржуазных «литераторов», продавших свои перья поджигателям войны, прогрессивные зарубежные писатели противопоставляют свои высокохудожественные реалистические произведения, выступающие как подлинное мастера культуры, рост и развитие которой немислимы в отрыве от народа, от его кровных национальных интересов, от его борьбы за мир.

На карту поставлена судьба человечества. Долг прогрессивного писателя состоит в том, чтобы своими произведениями донести правду до каждого человека и направить его по пути активной борьбы за мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 58 (2649) Среда, 19 июля 1950 г. Цена 40 коп.

Берды КЕРБАБАЕВ Под знаменем мира

Среди товарищей, провожающих меня на аэродром в Ашхабаде, когда я едет в Москву на пленум Советского Комитета защиты мира, был председатель колхоза-миллионера из аула Безменн. Герой Социалистического Труда Махтум Гаипов. Он передал мне номер газеты, где крупным шрифтом шла надпись: «Матери и дети требуют мира!» Мне запомнилась напечатанная в газете фотография маленькой французской девочки, участницы демонстрации мира на стадионе «Буффало»; на груди девочки плакат: «Мама, защити меня!» Махтум Гаипов дал мне эту газету, как члену Советского Комитета защиты мира, как напоминание о моем долге.

Провожая меня, Махтум рассказал мне о многом. В конце 1918 и начале 1919 года его родным селением Безменн «управляли» англичане. Они вывели из аула всех породистых скакунов, вывели все коровы, увезли решительно весь запас хлопка и всю шерсть до последнего килограмма. А неподалеку от Безменна, из древней столицы Туркмении Анау увезли облицовочную майолику с древнего архитектурного памятника редкой красоты.

В этом нет ничего удивительного. Англы-саксы обеих материков никогда не пренебрегали чужим добром, начиная от древних обелисков и кончая корридорскими колоннами. Но теперь они стяжают предметы более фундаментальные: не так уж давно им приглянулись нефтеносные территории Ирана, а сейчас эти воюки пытаются присвоить Корею.

9 февраля этого года иранская газета «Пахтае ма», давая оценку талантам англичан, писала об их преемниках — американцах: «Американцы дают нам оружие для того, чтобы послать под пу-

ли иранскую молодежь. За веревку для виселицы им платят сами иррегулярные в смерти». Иранцы больше не желают, — писала та же газета 24 февраля, — что бы их дочери носили платья американских проституток. Иранцы готовы жертвовать своей кровью, лишь бы не находились под властью жестоких империалистов».

В еженедельнике «Трибюн де насюн» в мае мы читали о том, что американцы объявляют Афганистан, как и Иран, «экономически отсталой страной». Вывод ясен: американцы хотят «помогать» Афганистану так же, как Ирану.

Мы вспоминаем о черном несчастье папских соседей, пролетая над территориями колхозов, которые цветут так же, как земля Безменна. Эти земли кажутся кором, вышитым ярким шелком, — садами, бахчами, виноградниками. В безменском колхозе «Двенадцать лет РККА» тысяча гектаров одного лишь винограда, где лозы «кузюм» сменяются лозами благодуханого «тербап». Все до последней виноградной принадлежит народу Туркмении.

Нет прекраснейших, колхозных табунов алитных ахалтекинских коней Безменна. Их называют у нас четвероногими лебедями. Огромны доходы безменцев, велико их богатство, созданное за годы советской власти.

Махтум Гаипов в девятнадцатом году бежал от англичан в пустыню. Он слал на горячем песке, окруженный лютыми ящерцами и змеями, предпочитая эти гадюки британкам в хаки. Там, в пустыне, он мечтал о свободе для своего народа, о том, что его брат и его русские друзья из отрядов туркменского полка прогонят «инглисов».

Н. ВИРТА

Могучая сила

На-днях я был в Дворниках, не раз описанных мною в «Однине» и других сочинениях; настоящее название села — Большая Лазовка.

Это в южной части Тамбовщины. Выехав на древний курган, поросший травой, и перед тобою вокруг необъятные дали, поля да овражки, да редкие кусты, да пылуемые миражи в жидком воздухе жаркого солнечного дня...

Зреет золотистая рожь, тяжела колошевыми, клонящийся долу, вышено-белой стоит гречиха, омытая последними дождями, высоко поднял свои плоские, густозеленые шапки подсолнушки. Скоро страда, скоро великаны-комбайны, плавно покачиваясь на ходу, придут на эти просторы убирать то, что дала земля и человек, работающий на ней.

По пути в Большую Лазовку видел я, сходящий с товарного состава два новых гиганта, жнивные, молотильные, отвальные, сортирующие зерно и пресушившие солому. Весело похвастываясь, комбайнеры вели мирные самолеты в МТС, и красные флажки на корме машин тихо трепетали, и все вокруг, куда бы ни упал взгляд, дышало мирным, глубоким покоем; и странно было думать, что где-то далеко-далеко, из самого коше света, в Корею, грохочут выстрелы, рвутся американские бомбы и холерные людеды хладнокровно, во имя

Анатоль СОФРОНОВ

А ЧЕСОН У КОСТРА ВОИНЫ

Каждый день приносит сообщения о дальнейшем продвижении корейской Народной армии. Далеко в тылу осталась 38-я параллель. По улитам Сеула и Пхеньяна бредут пленные американские солдаты. Выступая по радио, эти солдаты говорят: «Мы ясно поняли, что американское правительство проводит в Корею вооруженное вмешательство, мы верим, что корейский вопрос будет разрешен самими корейцами».

Пленные американские солдаты как будто бы разобрались в обстановке. Они требуют прекращения агрессии Уолл-стрит в Корею.

Иначе думают Ачесон, его помощники и его хозяева. В дни, когда американские воздушные шираты варварски бомбардируют мирные города и селения Северной Кореи, государственный секретарь США на очередной пресс-конференции зачитал заявление: «Я уверен, что американский народ не даст одурочить себя так называемым «Воззванием к общему миру» или «Стокгольмской резолюцией», которая сейчас распространяется в нашей стране с целью сбора подписей. Его следует принимать за то, чем оно является, — за уловку пропаганды в ожесточенном «мирном наступлении» Советского Союза».

По-русски это называется «припекло». До сих пор Ачесон, его помощники и его хозяева старались «не замечать» того огромного движения в защиту мира, которое развернулось на всем земном шаре. Но когда Стокгольмское Воззвание собрало более двухсот миллионов подписей, когда аггессора начали изобличать трудящиеся Соединенных Штатов, Ачесону пришлось пустить в ход свои адвокатско-клеветнические красноречие.

Юрист, в прошлом обладатель адвокатской конторы в Вашингтоне, навивший руку на защите интересов крупных американских фирм, он целиком применяет ныне этот опыт во внешней политике. Трудно уловить разницу между Ачесоном — адвокатом Уолл-стрит и Ачесоном — дипломатом Уолл-стрит. И в дипломатии ведет себя, как адвокат, любыми средства-

ми защищая своего хозяина. Он использует и фальсифицированные факты, и наивное притворство, и легкий вымысел, и зловещую клевету. Если бы политика Ачесона не терпела столь частых провалов, его можно было бы назвать виртуозом лжи.

Однако Ачесону, как юристу, должно быть понятно, что его деятельность давно уже переросла рамки простой защиты интересов Уолл-стрит в пределах адвокатского офиса. Он стал прямым и активным соучастником всех кровавых преступлений американских аггессоров. Ачесон не только греет руки у костра войны, но и весьма усердно его раздувает.

Как политическому деятелю, Ачесону должно быть также известно отношение американского народа к авантюрам правящей клики. Более чем убедительно говорит о том, каково это отношение, следующий факт. За первые несколько дней после приказа Трумана об агрессии в Корею и Битая в Соединенных Штатах было собрано более пятисот тысяч новых подписей под Стокгольмским Воззванием! И это в обстановке открытого преследования сторонников мира и атомной истерии, достигшей фантастических размеров.

Что же осталось делать Ачесону? Осталось искать оправдание применению атомного оружия и оспаривать (да, за оспаривать!) краеугольное положение Стокгольмского Возвания о том, что правительство, которое первым применит атомную бомбу, будет рассматриваться, как правительство военных преступников.

Поправляя галстук, словно уже ощущая петлю на шею, Ачесон заявляет, что «это явное лицемерный подход к вопросу», что примененное оружие якобы «не имеет никакого отношения к преступлению».

Этими словами Ачесон дал понять, что Америка оставляет за собой возможность неограниченного использования атомного оружия. Длинная тень нюрнбергской веревки легла через океан.

Со своей стороны, мы можем сказать, что народы мира оставляют за собой неограниченную возможность предотвращать преступление людедов XX века.

Безмен расположен в сорока километрах от границ Ирана, стоящего под игом английской и американской «помощи». Тысячи наших колхозников, как и Махтум Гаипов, понимают, что каждая территория, которая граничит с Советским Союзом, оспаривается империалистами, как «стратегическая площадка новой войны». Мировые хищники готовят новую войну, несмотря на сопротивление всех племен земного шара. Но и Гаипов и его друзья твердо верят, что народы мира найдут средство для обуздания поджигателей новой войны.

В Москве, в Комитете защиты мира я встретил казахского писателя Сабита Муканова, которого в прошлом году пригласили в Пакистан на конференцию писателей; пакистанские власти, руководимые англичанами, отказали Муканову в визе. В этом году повторилось то же самое. Муканов был опять приглашен в Пакистан, и ему снова отказали в визе. Пожилая племяха, он сказал мне:

— Не я страшен англичанам и американцам, а страна та правда, которая перестала быть тайной для Пакистана. Они уже понимают, что древо знамени мира в руках честных людей грознее всех пушек Трумана, всех речей Черчилля.

Стремление к миру в эти дни укрепляется миллионами подписей, оно охватывает все человечество. Турманы, ачесоны и их подручные скоро узнают, что голос человечества, его мнение сильнее всех угроз.

Колесо истории движется мирными людьми, чью силу не превзойдут никакие сверхбомбы. Мир защитит Корею и все уголки земли, где трудовые люди стонут от кровавых басачеств распоясавшихся гангстеров.

Женщины обсуждали свои дела. Дети играли на лугу. Около школы стучались малыши и штукатуры.

На всей этой картине лежала печать мирных забот и мирных развлечений. Но я вспоминал, как лежать лет назад из этого села ушли на фронт многие мужчины — инные из них ложили от Волги до Берлина. Женщины, подростки, старики, дети работали, не жалея сил, и они сохранили свое хозяйство. Я вспоминал, как в войну, вот в этих местах, началось громадное военное движение — сбор средств в помощь фронту. Сейчас поднялось на Тамбовщине могучее движение за мир, потому что люди здесь, как и везде, любят свой мирный труд, свой покой. Я жил в этих местах до войны, бывал в годы войны, побывал и теперь. Народ многому научился за эти годы, многого достиг, хочет достигнуть еще большего, он хочет мира и полон решимости отстаивать его.

Народ не зря поставил свои подписи под Стокгольмским Воззванием. Мы знаем, что в каждом имени — сочетание храбрости, мужества, упорства. Каждая подпись — это еще один солдат фронта мира.

Пусть этого не забывают господа труманы и черчилля.

СЕЛО ГОРЕЛОЕ Тамбовского района

Расширять фронт мира!

Миллионы людей, подписывая Стокгольмское Воззвание, протестуют против агрессии США в Корею

КИТАЙ
ВОЛЯ НАРОДА

После начала американской агрессии в Корею и на Тайване темпы сбора подписей под Стокгольмским Воззванием в Китае значительно ускорились. В Северном и Восточном Китае, а также во Внутренней Монголии подписавшие уже свыше 13 миллионов человек. За первую неделю июля число подписей только в одной провинции Шаньдун возросло с двух до почти четырех с половиной миллионов.

Старик-крестьянин из провинции Цзянсу, ставя свою подпись под Воззванием, заявил: «Я первым в моей деревне слал натуральный налог с летнего урожая для того, чтобы помочь Народно-освободительной армии Китая освободить Тайван».

У крестьянина Чжан Фу-кен из деревни Буцзячай мать была замучена японскими захватчиками. Он сказал: «Я ненавижу японских и американских милитаристов, которые действуют сейчас злобно. Поэтому я ставлю свою подпись под Воззванием».

США
ПРЕДОТВРАТИТЬ АТОМНУЮ БОЙНУ

В США усиливается движение за мир против вооруженной интервенции Уолл-стрит в Корею.

На-днях в Нью-Йорке состоялся митинг, на котором выступил секретарь Национального комитета компартии Холл. Он предупредил, что «Макартура хватит наглости приказать сбросить атомную бомбу на Дальнем Востоке, если силы мира не предотвратят это. Поэтому движение за запрещение атомной бомбы должно сочетаться с широкой кампанией за прекращение интервенции в Корею и других странах Тихого океана». На митинге было объявлено, что в Бруклине под Стокгольмским Воззванием уже подписались более 170 тысяч человек.

Правление союза пенсионеров штата Вашингтон, насчитывающего 15 тысяч членов, единогласно решило собрать в штате не менее 50 тысяч подписей, а также принять резолюцию, в которой требует прекращения интервенции в Корею.

Мэрилендский комитет борьбы за мир направил Труману послание, в котором требует прекращения войны в Корею и заявляет о необходимости заключить соглашение между Советским Союзом и США о запрещении атомного оружия.

КОЛУМБИЯ
ЗА МИР МЕЖДУ НАРОДАМИ

Народы Латинской Америки, гневно протестуя против американской агрессии в Корею, усиливают борьбу против поджигателя войны. В манифестах Конфедерации трудящихся Колумбия говорится: «Наше движение за мир тесно связано с борьбой против войны на всем земном шаре, от которой ни один народ не должен находиться в стороне. Мы считаем, что своим участием в этой великой борьбе мы еще больше усиливаем борьбу за мир в своей стране, борьбу против торговцев оружием и поджигателей войны, стремящихся увеличить свои бесчисленные прибыли — прибыли от спекуляции — за счет миллионов невинных человеческих жизней...»

Мы призываем колумбийский народ бороться в защиту мира во всем мире, за запрещение атомной бомбы, за миролюбивую внешнюю политику Колумбии, направленную на мир между народами, на усиление всемирного движения в защиту мира».

Можно было бы на этом и закончить статью об Ачесоне, если бы не необходимость сегодня сказать несколько слов о некоторых из его подлогов — старых знакомцах советского читателя. Речь идет о премьер-министре Швеции Эраклере и министре иностранных дел государства Израиль Шарете.

Несколько месяцев назад «Литературная газета» разоблачила клеветнический выпад Шарета против движения сторонников мира. Реакционная израильская печать пыталась отрицать тогда, что Шарет лезет вперед американскими поджигателями войны, лицемерно ворковала о «нейтралитете» Израйля.

Ныне Шарет, видимо, уже не считает нужным продолжать игру в «нейтралитет». Несколько дней назад он сделал открытое заявление о присоединении к «концепции западной демократии» (другими словами, — к «концепции войны») и заявляя, что угодливо поддержал незаконное решение Совета Безопасности по корейскому вопросу.

Шведский премьер недавно «протестовал» против «аутоутребления» именем народа Стокгольма в Стокгольмском Воззвании о запрещении атомного оружия. Эраклер заявил, что это Воззвание имеет со Стокгольмом так же мало общего, как и ранее принятые обращения с Парижем и Нью-Йорком.

Мы, советские деятели культуры, присутствовавшие недавно на Всемирном конгрессе мира, слышали выступление подлинной представительницы шведского народа Гудрун Гаваус. «Шведский народ гордится тем, что исторический документ о борьбе за мир носит название Стокгольмского», — сказала она.

Ясно, что Эраклер никоим образом не представляет шведский народ и Стокгольм. Не является и Шарет подлинным представителем народа государства Израйль. Точно так же Ачесон не представляет американский народ и Нью-Йорк.

Перед нами охваченный речей адвокат, его неуклюжие помощники и его взбешенные хозяева.

Юстас ПАЛЕЦКИС

Большие перемены

Недавно я вернулся из поездки по городам и районам Литвы. Много свежих и ярких впечатлений вынес я из поездки, но особенно запомнились мне рассказы одного местного работника.

Однажды, проезжая на рассвете мимо колхозного поля, увидел он старика, который выкапывал из земли какие-то комочки и выбрасывал их на дорогу. Оказалось, что год назад, когда создавался колхоз, этот старик, подав заявление о приеме, тайком забил комочки на меже «своей земли». Забил их «на всякий случай»!

Прошел год. И вот он пришел на заре, чтобы выкорчевать и выбросить с поля глубоко зарытые в землю «комочки сомнения»...

Так сама жизнь выкорчевывает в сердцах наших людей черты старого, отжившего, ненужного!

Наблюдая расцвет литовской деревни, мы видим, как решительно побеждает колхозный строй. Для нашей республики, народ которой совсем недавно стал жить по-советски, последние три года ознаменовались таким же великим переломом, какой свершился в начале тридцатых годов в жизни других народов СССР. Колхозное движение в Литве стало массовым. И удивительно всего за колхозный строй утвердились первые ощутительные успехи колхозов.

Хочется рассказать о колхозе имени Петраса Цвиры, организованном на родине писателя. (Хотят сказать, что крестьяне многих наших сел назвали свои молодые колхозы именами любимых писателей, помогавших понять и полюбить новую жизнь — именами Саломеи Нерис, Юдаса Гитры, Петраса Цвиры, именем старой крестьянской писательницы Жемайтис).

В своей книге «Земля-кормилица» Петрас Цвира парировал страшную картину горького обнищания крестьян в буржуазной Литве, трагедию простого человека Юраса Тарутиса. Поныне антинародную, звериную сущность капитализма, герой книги мечтает о том, как бы хорошо «жить без мек и вешек, рука об руку, душа в душу»...

Глубоко пережили эти чувства земляки писателя, жители села Клангий. Нию в этом селе, в колхозе имени Петраса Цвиры, люди трудятся на общей земле, как мечтал Цвира.

Во время поездки по деревням я познакомился со многими новоселами. Колхозник артели имени Кароласа Пожеда Урба, которого я помню в годы Великой Отечественной войны солдатом Литовской дивизии, пригласил меня на новоселье. Урба только что отстроил свой дом, и я понял, что это действительно новый дом, так как он воздвигнут не на обремененном хуторе, а стал в ряд с домами других колхозников на улице поселка. И это для Литвы не так-то просто: десятилетие буржуазные правители старались расколоть крестьян по хуторам, добивались «миллиона одиночества». А сегодня сама колхозная жизнь рождает в людях желание не только работать, но и сидеть вместе, жить единым коллективом.

...Те же большие перемены произошли и в промышленности республики, и в жизни литовских рабочих.

Двадцать лет буржуазные хозяева Литвы не могли преодолеть безработицу. И вот в первые же месяцы советской власти эта народная беда была ликвидирована. С каким волнением, словно самую прекрасную поэму, читали литовцы в предвоенный год на улицах своих городов поразительные объявления: «Требуется рабочие». «Производится набор в ремесленные училища», «Трест приглашает на работу»...

Обновленная Советская Литва начала открывать фабрики, закрывать хозяйства, строить новые заводы. Предприятия, которые работали прежде 2—3 дня в неделю, переходили на работу в две смены.

Рабочие, крестьяне и интеллигенция Литвы за один советский год навски сократили с немцами. Советская власть — своя, родная, любимая народом!

Когда на наши рубежи напали фашистские захватчики, народ Литвы твердо знал, «за кем идти, в каком сражаться стане». Литовцам было что защищать! Окупанты встретили глухую стену народной ненависти. В рядах воинов-освободителей сражались сыны свободной Литвы.

В последние годы возрождение нашей республики стало кровным делом не только литовского народа, а всего огромного Советского Союза. Братская помощь союзных республик, и в первую очередь великого русского народа, стала поистине животворной для восстановления промышленности, сельского хозяйства и культуры Литовской ССР.

Простой перечень грузов, направляемых в Литву, свидетельствует о размахе и щедрости этой братской помощи. Тысячи тракторов, построенных в Сталинграде, Челябинске и Харькове, разнообразные станки с Урала, из Москвы и Ленинграда, хлопок из среднеазиатских республик, нефть из Баку, электрооборудование, медикаменты.

Годы послевоенной сталинской пятилетки ознаменовали собой небывалый расцвет промышленности Литвы. О замечательном росте достаточно ярко скажет такая цифра: в нынешнем году валовая промышленная продукция более чем в полтора раза превзошла уровень довоенного 1940 года. Стахановское движение охватило рабочих всех больших и малых предприятий. Каждый месяц народ узнает все новые имена героев, еще вчера бывших скромными рядовыми тружениками, таких, как Патрас Вайчюнас, избранный депутатом Верховного Совета СССР.

Тяга к учению охватила практически народные массы. Не только молодежь, но и пожилые люди — рабочие, мастера, колхозники — берутся за учебники.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Наша республика превратилась в огромный народный университет, наши люди сегодня проходят великую школу социализма.

Плодотворно работают 11 высших учебных заведений республики и Академия наук. Эти научные центры тесно связаны с народом, с социалистической промышленностью, с колхозами.

Хорошая книга пришла в дом рабочего и крестьянина, стала другом и советником. Проникновения классиков марксизма, да чтение которых в старой Литве карали тюрьмой, теперь стали боевым идейным оружием народа. В книгах советских писателей наши люди ищут и находят ответы на самые важные и волнующие вопросы. Огромным успехом пользуются произведения русских классиков и современных советских писателей, в большом количестве переведенные на литовский язык. Почетное место среди настольных книг читателей заняли произведения литовских советских писателей: «Правда куница Иштотаса» А. Гузвинчюса, «После бури» И. Довидайтиса, «Честь» И. Анжюса, поэма «Успех» Т. Гильвятиса, стихи А. Венюлова, В. Валюшонене, В. Реймериса, К. Корсакаса и других.

В прежние времена вряд ли кто-нибудь за пределами Литвы имел представление о литовской культуре, о соотношении, ею созданных. А сейчас все народы многонационального Советского Союза с уважением и горячим интересом знакомятся с лучшими произведениями литературы и искусства Литвы.

На весь Советский Союз прославилась всемирноизвестная литовская песня, пропетая в районах и городах Литвы. Мощный хор, в который сольются голоса десятков тысяч певцов, будет звучать на празднике десятилетия Советской Литвы — новую жизнь, родной народ, любимого Сталина... Выбранные на славу истории буржуазные политики, околки рабочего забереги старого режима, лицемерно оплакивают преклонную ледопробитность Литвы. Эти людишки, в течение двадцати лет оптом и в розницу торговали родной, готовы служить любым чужеземцам. На эту пададь напильник «покупатели» за океаном.

Соединенные Штаты Америки притрели у себя и возвели в ранг... полномочных дипломатов всяких предателей — жаднейших и будничных.

Но никогда не вернется времена, когда империалистическим хищникам выгодно было самоуправствовать на земле беззащитных литовцев. Попробовала нынче весной американская «делегация крепости» появиться в небе советской Прибалтики...

Все знают, что из этого вышло. Великой радостью сознания, трудом, преисполненным, как песня, возвышенным творчеством дышит все на древних землях Литвы. Широкие колхозные поля расстилаются, словно огромные зеленые скатерти. Скоро будет вовсе невычернуто из крестьянских словарей литовца разобщающее слово «межа».

Восстановленный многоэтажный дом, собранные электромоторы, изготовленный лес, пахнущая свежестью типографской краской бумага — все, что рождается трудом людей Советской Литвы, предназначено для жизни, для мира, для счастья народного.

Народ Литвы с твердой уверенностью смотрит в будущее, озаренное сталинским солнцем.

Слово Сталин звучит по-литовски и на любом языке земного шара, как счастье, надежда, будущее.

ВИЛЬНЮС

21 июля 1950 года — славный праздник народов Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Десять лет назад в этот день была провозглашена советская власть в Литве, Латвии и Эстонии. Избавившись от гнета капитализма, народы этих республик под знаменем партии Ленина—Сталина обрели свободу и счастье, вышли на светлый путь социализма.

Прошло десять лет — годы победоносной войны и мирных трудовых свершений. В братской семье советских республик, при помощи великого русского народа и других народов нашей страны далеко шагнули вперед литовцы, латыши и эстонцы. Радостью созидания полны их дни. Вместе со всем советским народом строят они коммунизм!

Ганс ЛЕБЕРЕХТ

Сказка о Тухкатрийну и наша светлая быль

В Таллине, на фасадах средневековых домов Вышгорода, на площадях и проспектах рабочих районов Коппли и Ласнамяги, белеющих новостройками, на лугах колхозов, где сейчас убирают стога пахучего сена, пламенеет флаг и призывы. На огромном зеленом пещевском поле в Кадриге стелются тысячи людей в национальных костюмах; идут оркестры. По шоссе и проселочным дорогам мчатся мотоциклисты и велосипедисты; на их машинах вымпелы спортивных обществ республики. Спортсмены несут астафеты достижений...

Праздник народа! Эстонцы знают сказку о Тухкатрийну — бедной девушке; денно и нощно трудилась она для своих хозяев, получая взамен любви и колотушки. Дельцы из лондонского Сити, вывозя наши масло и бакин, экспортировали в Эстонию свои вульгарные вкусы, вольцы законы и мораль. Они хотели превратить маленькую страну в свою палачерню — Тухкатрийну. В сказке хрустальные туфельки и разодоченные кареты достаются бедной девочке. В жизни они достаются отнюдь не барачникам Харьюма или Вильяндимаа.

Незадолго до провозглашения советской власти в Эстонии буржуазные статистики произвели перепись. Из ста тридцати промышленных и торговых фирм — восемьдесят принадлежали иностранцам.

Английским империалистам и их буржуазно-националистическим холуам крайне выгодно было поощрять концентрацию капиталов и национальных богатств в руках немногих. Так было удобнее совершать крупные сделки с экспортерами, вывозить железнодорожными составами народное добро — сланец, древесину, хлеб, бакин...

Как не вспомнить теперь о труженице Тухкатрийну, о народной мечте, о тысячах Золушек, обокраденных капитализмом и только при советской революционной власти увидевших свет и довольство.

По рогу журналистской работы мне часто доводится бывать в деревнях волости Кыю, уезда Вильяндимаа. В буржуазной Эстонии из года в год в этой волости Кыю из молотка за недомки и банковские долги имущество не только малоземельных крестьян, но и середняков.

И вот сегодня в той же волости Кыю — чудесные, почти сказочные перемены. Некогда мертвый стук молотка аукционного раздается здесь — рокот тракторов, запахающих землю.

Колхозники артели «1 мая» в прошлом году сняли в среднем по 20 центнеров зерна с каждого гектара (раньше, при единоличном хозяйстве, собирали едва по 10 центнеров). У людей больше заработки: 7—8 тонн зерна получили некоторые семьи в минувшем году по трудовым, много овощей, коров, шерсти, по 4—5 тысяч рублей деньгами.

Славнейший бассейн в Бивинья — гордость Советской Эстонии, переживающей сейчас такой прекрасный расцвет, — еще только десять лет назад находился в ру-

ках английского акционерного общества «Гольдфинд». Когда «своя» буржуазия запрела англичанам этот богатейший источник национального богатства, в Таллине были устроены пышные банкеты. Представитель английского бизнесмена мистер Дунн, розовощипый джентльмен во фраке, судил эстонскому народу многое — небоскребы на месте пустырей, высокие заработки рабочим, английский комфорт в бараках.

По посулам эти, как легко можно догадаться, оказались басфом. Разработка сланцевых богатств при англичанах резко сократилась. В запустение приходили шахты и наскоро сколоченные бараки с английским львом на флажках. Увольняли сотни шахтеров, забывая досками входы в шахты, а из Лондона летели телеграммы: «Еще сократите добычу сланца».

Пам теперь понятны причины подобного поведения английских джентльменов: они вовсе не были заинтересованы в развитии энергетики и тяжелой промышленности Эстонии, они забрали в свои прижимистые руки весь славнейший бассейн только для того, чтобы контролировать жалкую индустрию малой страны.

Когда эстонцы побывали в советском Колхале-Ярве, центре сланцевого бассейна, богатом новостройками и благоустроенными домами, когда увидели на пятах цифры трудовых побед, с особой отчетливостью опущенная, как светел и радостен наш мир социализма.

В дни юбилейных празднеств новая современная опера эстонского композитора Я. Каппа «Пенек свободы» пойдут в театре «Эстония». Прекрасны белые залы этого восстановленного из руин театра.

Мне вспоминается проникнутый горечью рассказ одного из одареннейших солистов театра «Эстония» Аму Пярна. Многие годы пришлось ему учиться в двери буржуазного театра, петть в кабаках в поисках заработка. Сколько таких талантов — в литературе, в искусстве — губили, прижимали растапливая культуры, рабски-пошлякостями перед Западом министры буржуазной Эстонии!

В канун большого торжества — десятилетия родной республики — люди Советской Эстонии с гордостью говорят о своих победах, достигнувших при помощи великого русского народа, о своих трудовых достижениях, о своем культурном росте. Но трудящиеся свободной, счастливой республики, познавшие свет Сталинской Конституции и братскую дружбу народов, не забывают об угрозах империалистов. Флаги пламенеют на заводах и стройках. Везде идут митинги и собрания в честь праздника. В эти дни эстонский народ, народ, совсем недавно освобожденный от гнета капитализма, — присоединяет на диктах Сталинского Воззвания свой гневный голос протеста против поджигателей войны, иступленно мечтающих о новых злодеяниях.

ТАЛЛИН

А. КОНОВ

ПУСТЬ ПРИДЕТ!

Этот бесхитростный рассказ я услышал пять лет тому назад на берегу Даугавы от старого крестьянина-латыша.

Тогда весною еще видны были следы отступивших боев. За рекой горбились, размытая дождями рыжая глина — остатки траншей. Под железнодорожной насыпью лежали покрытые ржавчиной фермы взорванного моста. Валелись пустые, мертвого оловянного цвета стальные от немецких снарядов. И надо всем этим — непогоже, хмурое небо.

Крестьянин был бос, седые его волосы были непокрыты, одежда на нем — из серого домотканого сукна — претрела заплатами.

Но маленькие его глаза смотрели остро, дерко, с каким-то особым веселым вниманием.

Мне показалось, что я угадал значение этого взгляда: так смотрит молчаливый человек, ренившийся — после раздумья — рассказать о том, что, по его мнению, следует знать и другим.

Но старик заговорил не сразу. Притягиваясь ко мне, он спросил, бывал ли я в Риге и знаю ли я, где Цесис-пелла. Цесис-пелла... Я слышал про Цесис, — этот город первым в Латвии поднял знамя Октябрьской революции.

— Нет, я говорю про Цесис-пелла, пу-но-русски — Цесискаа улица. Это — в Риге. Я когда-то жил там.

И он начал рассказывать, уже не останавливаясь, но и не торопясь, подбирая несущие слова, как бы вглядываясь в лицо и иногда заменяя какое-нибудь слово другим, более точным.

Он — не коренной крестьянин, нет. Он долго работал на вагоностроительном заводе в Риге. Еще с молодых лет. А потом жизнь заставила уехать в деревню, напиться на хутор в батраки.

— Ну, как же... при Ульяновске началось это, как его? Пронцетанье. Да, да, процетанье, — заводы закрывались, один за другим.

«Своих баронов» те-то и в самом деле тогда процетали, вместе с министрами-казнокрадами.

Ну, конечно, не все рабочие ушли в деревню. А кто остался, — как они жили? Ходили по дворам, лудили кастрюли, пили дрова для ресторанов, это выходило для хозяев дешевле механической лесопилки, — одним словом, перебивались случайным заработком.

— Так вот, про одного такого рабочего я и хочу рассказать.

Жил этот рабочий с семьей в маленькой квартире из двух комнат.

Давно эти комнаты не видели малярной кисти: потолок потрескался, стены потемнели, известка кой-где отвалилась... Да к этому люди уже привыкли. Людям не до ремонта, когда они не знают, чем будут жить завтра.

И вдруг стало известно — откуда, от кого? Ну, есть же в Латвии люди, которые помнят много. Разве заставил человека забыть? Вот от такого человека с верной памятью и узнал рабочий, что много лет тому назад, еще до первой революции, еще только-только началось наше столетие, в одной из этих потемневших теперь комнат прожил день или два, может больше, а может и меньше, Владимир Ильич Ленин.

— Говорить не про все можно было. А как великий человек забыть? Такой власти не было у айсаров Ульяновца.

По-помому взглянул рабочий на свою квартиру. Стены, виденные Лениным! Разве можно было оставить их в таком виде? Нуждался рабочий, сильно нуждался. По собрал он последние свои гроши, купил что нужно для ремонта и сам заново оштукатурил и побелил уставшую комнату: опочуток же, именно в ней останавливался Ленин.

Когда, окончив работу, весь испачканный известкой, вышел рабочий под вечер на улицу, одна из соседок сказала ему негромко:

— А придет советская власть, она у тебя эти комнаты заберет. Зачем? Ну, может быть, под музей, под красный уголок...

Значит, не он один слышал об этом! О том, что в его квартире оставался Ленин!

Женщина была уже в годах, и нелегкая работа согнула ее рано.

Рабочий посмотрел на ее худое морщиное лицо, — нет, ее не надо было бить... И он ответил смело, и надежда была в его голосе:

— Пусть придет! Морщины на лице женщины разгладились, она подняла посветлевшее лицо к розовому от заката небу и откликнулась: — Придет...

Не раз сменялись потом жильцы в той квартире. Но такое уж было место, — сиделись там только рабочие. И угловая комната неизменно была чистой.

И вот она пришла — советская власть.

Все узнали, что в этом доме жил Ленин.

Потом, во время войны, заходил во двор айсар, шарил кругом свинцовыми глазами. Да так ни с чем и ушел.

А может, и не до того ему стало: дни были решающие. Советские — латышские и русские — батальоны уже пробивались к Киль-озеру. Все яче, как бы торжествовав, разгоралось на востоке грозное зарево, все чаще падали в небо торжественные советские самолеты, и яростней становилась рев зенитных орудий...

Советские войска смыкали под Ригой стальное свое кольцо.

Оставалась на западе узкая горловина, а которую готовились отхлнуть гитлеровские дивизии. Уходя, фашисты мяли-ревали здания. Город погрузился в темноту. Водопровод был разрушен.

Только немногие водоразборные колодезь чудом сохранились кое-где на окраинах.

— Пусть придет! ...Крестьянин помогал и, попрежнему не спеша подбирая слова, закончил:

— Вот как верил народ. И я думаю — посподу так.

Что ж, скорей всего это был один из народных рассказов, которые трудно назвать вымыслом: с такой мудрой простотой повествуют они правду о любви к Ленину, о любви, которая всюду находит прямую и верный путь к сердцу труженика, — всегда и везде, люд всеми широтами, в любой стране.

Старик зорко поглядывал на меня: — Ну, так вот: то было на Цесис-пелла. Я хорошо знаю эту улочку, я сам там жил когда-то.

Потом я снова бывал в Латвии. Но уже не пришлось мне видеть нищеты — ни в городе, ни в деревне. Не встретил теперь на берегу Даугавы босого батрака!

В Риге, — ядаль от центра города, я отыскал Цесисскую улочку: она невелика, и на ней ядаль заметен свежеевобеленный двухэтажный дом с зелеными ставнями и с покрашенными в ту же зеленую краску широкими воротами. На стене дома висит мемориальная доска с надписью на латышском и русском языках:

В этом доме весной 1900 года во время пребывания в Риге проживал В. И. ЛЕНИН

Я вошел в ворота. Посреди обширного, чисто подметенного двора возвышалась колонка на скамеечке сидела женщина. На мой распросы о квартире, в которой жил Ленин, она отвечала охотно, как бы сожалея, что может рассказать немного:

— Мы по ночам собирались здесь. Вот у этой колонки. У нас даже пропуск имелся. Правда, пропуск — устный, всего два слова. Но зато слова эти были про советскую власть: «Пусть придет!»

И она вдруг улыбнулась светло, молодо: — По этим словам мы узнавали своих.

Значительно интересней партир из повести В. Берие «Первые одиннадцать». Но и этот образ не лишен некоторого схематизма. Рисуя коммуниста в революционном подполке, на фронте, мы находим и подлинными краски, и весомые слова, чтобы показать его изнутри, во всем психологическом богатстве. Почему? Быть может, потому, что в условиях подполья или фронта особенно ошито проявляются мужество, героизм, отвага коммуниста? Но жизнь показывает, что мирное строительство в нашей стране — столь же яркая, глубокая, принципиальная борьба, требующая от коммуниста умения организовать производственные победы, преодолевать препятствия. Русские писатели Шолохов, Паустовский, Бабельский с большой выразительной силой показывают роль коммунистов в трудовой битве за наше прекрасное будущее. Мы много овладеваем опытом наших товарищей — писателей братских республик, и в этом значительная вина нашей критики.

Мы живем в период острой борьбы лагеря мира и прогресса против лагеря реакции и войны. Американский империализм развязал войну против Бюри. В этой обстановке необычайно возрастает роль советского писателя как активного борца за мир.

Латышский литературе всегда была близка тема борьбы за мир. В романе «Буря» солдаты, сражаясь, мечтают о мирном труде. Я. Судрабака в патриотических стихах военного времени призывал к борьбе с фашистами во имя мира на земле. Герой романа «В гору» еще во время войны приступают к восстановлению сельского хозяйства.

Много стихов, посвященных борьбе за мир, можно найти у Я. Судрабака, М. Кемпе, Ф. Рокненниса, А. Балода, В. Дукса, Я. Гроты. Голос поэтов зовет в неустанный борьбе, связывает чаяния латышского народа с борьбой всего Советского Союза и трудящихся земного шара за мир.

Борьба за мир — это пафос социалистического гуманизма. Во главе этой борьбы стоит советский народ, любимый великим корчмичем. И в этом — залог торжества сторонников мира.

РИГА

Андрей УПИТ

Дыхание новой жизни

1. Мой народ подводит итоги своей десятилетней борьбы за коммунизм. В эти дни я, старый латышский писатель, радуюсь успехам нашей литературы, пытаюсь сказать и о том, что, на мой взгляд, еще предстоит сделать для ее дальнейшего роста.

Двадцатилетнее господство буржуазно-националистической клики, пагубно отразившееся на развитии всей латышской культуры, сказало и на литературе. На книжный рынок зловонным потоком текли сочинения западноевропейских трубадуров империализма, пропагандирующих марам и разложение, порнографию, пожелания баббитов и убийц. Буржуазные писатели Латвии воспевали кулацкую политику в деревне, насаждали крайний индивидуализм, звали к мандалскому «счастью в тихом уголке». Этими произведениями буржуазия стремилась отвлечь рабочий класс Латвии от революционной борьбы, отравить сознание молодежи.

С приходом советской власти идеи большевизма оживили угасшую душу нашей литературы, вдохновили писателей новой Латвии — равноправной республикой в дружной семье братских народов СССР.

Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских оккупантов была серьезным испытанием для латышского народа. Писатели Советской Латвии, как находившиеся в армии, так и уехавшие вглубь многонациональной страны, неустойно и упорно работали. Были созданы песни, поэмы, рассказы, пьесы о нашей жизни, о нерушимой дружбе латышского народа с русским и другими братскими народами СССР.

2. После войны латышская литература обогатилась новыми фундаментальными произведениями, которые и составляют ее золотой фонд. Сейчас уже невозможно себе представить нашу литературу без романов Вялиса Ладиса «Буря» и Анни Саксе «В гору», без поэмы Яна Судрабака и его книги «В братской семье», без рассказов Эрнста Бирншека-Уинта, без пьес Арвиды Грингуласа, Анни Бродсае, Юлиана Ваната, Фрииса Рокненниса, Элины Зилте, без книг Андрея Балода «От чистого сердца» и «Израбного» Валдиса Луска, без стихов Юлиана Ваната о колхозной деревне, без страстных стихов Мирдызы Кемпе о дружбе народов, без поэтических произведений Анатолия Имерлана, Павла Вилхиса, Петра Силса, Яна Плаудиса, без стихов преждевременного скончавшегося Александра Чака.

Современная латышская литература — это неотъемлемая часть нашей большой советской литературы, и, конечно же, богатейший опыт русских классиков, русских советских писателей — помог нам создать нужные народу произведения.

Я не ставлю перед собой задачи анализировать достоинства и недостатки отдельных вещей латышских писателей, полученных широкое признание далеко за пределами Латвии. О них писал много, хоть и не всегда с должной требовательностью. И латышские и русские критики мало говорили о стиле латышских писателей, об их образной системе, об умелом или неуменом построении сюжета, о форме, призванной донести до читателя новое содержание жизни.

Сейчас мне хочется высказать несколько соображений о том, что, как мне кажется, еще не сделано латышскими литераторами или сделано недостаточно.

Книги наших писателей переводятся на языки братских народов Советского Союза и стран народной демократии. Они становятся известными всему миру. Но ничуть не умаляя достижений латышской прозы,

я беру на себя смелость заявить: при всех успехах по сравнению с прошлыми мы, писатели, еще отстаем от политического, экономического и культурного роста нашей страны.

Некоторые из нас не осознали со всей глубиной широких задач нашей литературы. Мы решаем проблемы, общие для всех советских писателей, и одна из них — отражение творческого содружества наших народов в бою и труде. Я считаю неверным такое положение, когда, отображая жизнь латышского народа, мы иной раз показываем наших героев обособленно от всей многонациональной семьи Советского Союза и особенно в отрыве от русского народа. Это противоречит жизненной правде. Без помощи русского народа, без братской, бескорыстной поддержки всей советской страны латышский народ не сумел бы построить социалистическую промышленность, сельское хозяйство и культуру республики. Но кроме романа Вялиса Ладиса «Буря» трудно найти в нашей литературе образы русских людей, показанных во всей их многогранности. Если в поэзии тема дружбы советских народов наша широкая отражение, то проза в этом отношении отстает.

3. Максим Горький говорил, что по книгам можно познать жизнь народа. Если читатель захочет узнать жизнь рабочего класса Латвии по нашим книгам, то он окажется в затруднительном положении. Правда, в затрученных проходах в пьесе А. Гингуласа «Гитина и фарфор», в поэме В. Дукса «Рита начинает жить», по этому недостатку. Даже лучшие наши прозаики — Вилдис Ладис, Анна Саксе, Ян Грант, Вилбулд Берие и многие другие не показали во всей росте рабочего. Наша республика превысила довоенный уровень промышленности более чем в два с половиной раза, у нас есть рабочие — лауреаты Сталинских премий. С волнением слушал я на недавнем пленуме выступление работницы фабрики «Дребенские», которая справедливо упрекнула латышских писателей за пренебрежение к рабочей теме.

Латышский рабочий сегодня — это человек, спасенный советской властью от нищеты, безработицы, бесправия... Этот человек, которого долго угоняли вдовольствоваться малым и преклоняться перед «преродством» Заланда, давно уже стал истинным героем нашего времени, и дело писателей — показать жизнь, творчество, внутренний мир строителей коммунизма.

Мы еще мало пишем о современности. Мы тешим воспоминания о перешитом, мы не можем вырваться из-под гнета материала, накопленного опытом, не рассказывая подросткаемому поколению о том, как мы жили и боролись раньше, с какой страстью мечтали о нынешних днях.

Все это нужно. Но опыт былой жизни не должен заслонять от нас величие и сияние ее сегодняшнего дня.

Недостаточное внимание наших писателей к современности — вот причина того, что мы не показали еще во всей красоте героя советской жизни и в первую очередь коммуниста.

Анна Саксе нарисовала коммуниста Юриса Озола, человека большого мужества и душевной чистоты. Но при всех достоинствах аркой книги «В гору», при всей покоряющей страсти образа Озола мы не можем до конца удовлетвориться им, ибо слишком мало рассказала она писательница о душевном мире этого героя.

Можно ли согласиться с образом партира Дзелзкалея и повести Яна Гранта «На ветру»? Он изображен примитивно и бескровно. Как человек и руководитель, он не связан с массой, и люди, окружающие Дзелзкалея, живут сами по себе, не ощущая ни его твердой руки, ни его горячего сердца.

Значительно интересней партир из повести В. Берие «Первые одиннадцать». Но и этот образ не лишен некоторого схематизма. Рисуя коммуниста в революционном подполке, на фронте, мы находим и подлинными краски, и весомые слова, чтобы показать его изнутри, во всем психологическом богатстве. Почему? Быть может, потому, что в условиях подполья или фронта особенно ошито проявляются мужество, героизм, отвага коммуниста? Но жизнь показывает, что мирное строительство в нашей стране — столь же яркая, глубокая, принципиальная борьба, требующая от коммуниста умения организовать производственные победы, преодолевать препятствия. Русские писатели Шолохов, Паустовский, Бабельский с большой выразительной силой показывают роль коммунистов в трудовой битве за наше прекрасное будущее. Мы много овладеваем опытом наших товарищей — писателей братских республик,

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Первая встреча юной учительницы с настороженным классом, с хладнокровными, чуть насмешливыми двенадцатилетними мальчишками. Учительница старшего всего лишь двое. Она сама только что вышла из стен учебного заведения, и ее первый урок в 4-м «В» — еще один экзамен и едва ли не самый трудный. Сердце ее бьется тревожно. «Ведь я даю наислава все, что скажу, — думает она в волнении. — И ничего-ничего не помню... как же так?». Проходит немного времени, и Марина Николаевна с полным правом скажет об этих сорока ребятах: «Мои ученики», «мой класс». Истинная любовь к детям, педагогический дар помогут ей находить в каждом хорошем, открывать «самое сокровенное в человеке», будучи ему хоть только одиннадцатилетним от роду, «учить ребят и самой учиться у них», сделать необходимым другом и руководителем детей.

В книге Ф. Вигдоровой «Мой класс» раскрывается жизнь нашей советской школы во всем ее богатстве — с новым социалистическим отношением педагогов и учащихся к труду, новым характером взаимоотношений между членами школьного коллектива, широкими внешкольными интересами детей.

Человек буржуазного мира с рождения живет как бы в скорлупе. Сначала это семья, домашний мирок, потом закрытое учебное заведение, колледж, лицей, студенческая корпорация, потом служебное поприще, государственная должность, охраняемые капиталистической законностью от вторжения живой, реальной повседневности. Буржуазная семья старательно ограждает своего питомца от внешних влияний, от «житейских бурь», видя в окружающем мире угрозу своему благополучию и благополучию своих детей.

Свободные дети советской страны с малолетства выходят на широкий простор. Школа и жизнь у нас спланы воедино. Воспитание и обучение и в семье, и в учебном заведении построены так, что все явления богатой и яркой социалистической действительности становятся близкими и понятными сознанию ребят. Это коренное отличие советской системы воспитания от буржуазной напало свое убедительное выражение в книге Ф. Вигдоровой.

Ф. Вигдорова — в недавнем прошлом педагог. Дополненное знание предмета, о котором она пишет, в соединении с литературным талантом позволили ей верно схватить и ярко запечатлеть те черты в облике учителей и школьников, которые поражают нас в жизни и которые очаровывают в повести.

Рассказ ведется от первого лица, в форме дневника Марины Николаевны. Этот прием позволяет автору сразу же с первой страницы ввести читателя в богатый внутренний мир своей героини.

Цель и смысл всех раздумий и исканий молодого педагога в том, чтобы ее воспитанники «стали настоящими советскими людьми, людьми прямыми и верными, стойкими в час испытания, неутомимыми в труде и торжко любящими свою работу. Чтой думали прежде всего о своем деле, о долге перед родной страной и народом, а потом уже о себе...»

Путь к достижению этой цели труден. Постепенно Марина Николаевна побеждает самые упорные сердца, самые строптивые и самые инертные умы.

Читая главу за главой, самые названия которых говорят об удачах и огорчениях, заблуждениях и открытиях молодого воспитателя («Как поступить?», «Самое главное», «Пя больше не мой ученик»), видишь, что перед тобой педагог не по долгу службы, но по призванию, но велью сердца. Интересы школы, класса, детей становятся интересами ее собственной жизни. И нет никакой натяжки, никакой фальши в том, что и во время отпусков Марина Николаевна поглощена размышлениями, воспоминаниями и новыми планами, посвященными школе и детям: «...все, что заделало и радовало меня, я мысленно пересказывала ребятам».

Ф. Вигдорова. «Мой класс». Детгиз, 1949 г. 248 стр.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Седьмой номер журнала «Октябрь» открывается главами второй книги романа С. Бабаянкова «Свет над землей». Читатель встречается со старыми добрыми знакомыми — Тутариновым, Рагуляном, Кондратьевым, Глашей Немешной и другими. Обязательный разговор о духовном росте героев книги в творческом росте автора — впереди, по окончании романа.

Небольшая поэма М. Рыльского «Молодость» (авторизованный перевод П. Карабана) рассказывает о послевоенном пути пришедшей с войны молодежи. Поэту, бесспорно, удалось «от всей души сказать спасибо советским людям трудовым». Особенно удачны авторские отступления, насыщенные умным, тонким юмором. Но сюжет поэмы намечен лишь пунктиром. Хочется надеяться, что М. Рыльский еще вернется к героям своей поэмы и продолжит рассказ об их судьбе.

В номере помещены обзорная статья И. Васильева о борьбе французского народа за мир, статьи Б. Александрова о Тибете, насыщенная малоизвестными фактическим материалом, и статья академика Н. Державина, развернуто характеризующая творчество классика болгарской прогрессивной литературы Ивана Вазова.

Следует отметить, что библиография, наконец, заняла в журнале достоянное место. Две рецензии (из пяти) посвящены произведениям, опубликованным в текущем году в других журналах. Содержательные рецензии Л. Секуляной о романе В. Закруткина «Плывущая станция» и А. Ложкина о повести В. Анианя «На берегу Севана». Этого нельзя сказать о рецензии В. Кирпичникова о поэме Ю. Гордиенко «На берегах Сицилии». Рецензия эта поверхностна и страдает несвойственной изложением: «В наше время идеалистический... подход к великим битвам на Востоке может привести писателя только к крушению». Надо ли понимать, что в прошлые времена идеалистический путь вел к успехам? Еще менее ясно следующее утверждение: «Воздействие зрелых убеждений Вана на отсталый первоначально духовный мир Ю (Ван и Ю — герои поэмы. — А. Л.) и вводит нас в основу поэтического замысла автора(?)». Поводом для расплывчатых рассуждений критика явилось произведение, скомпонованное «монтажно-сборочным способом». В 1948 году в сборнике стихотворений Ю. Гордиенко «Звезды на касках» было напечатано стихотворение «Песенка южан» с пометкой в конце: «Южная Корея». В поэме из песенки выкинуто слово «корейская». Теперь это песенка, сложенная-де жителями Южной Кореи. В. Кирпичников одобрительно цитирует 18 строк песенки, не замечая этой переделки. Не замечает он и то, что 36 строк из другой приподобной имитации публиковало «Знамя» (№ 10, 1949 год), как отдельное стихотворение. Надо было критику не только прочесть разбираемое произведение, но ознакомиться и с предыдущими работами данного автора. Без соблюдения этого золотого правила немилыми серьезная работа.

И. Шпоро поверхностно, несвязно отмечает частные удачи и неудачи в романе Н. Строчковского «Тайгастрой». Доверчиво озаглавив рецензию «Роман о первой пятлетке», И. Шпоро не заметил того, что хотя действие романа происходит в Кузбассе в годы первой пятлетки, но основные герои книги живут прошлым, воспоминаниями о детских годах, проведенных в Одессе. Книга изобилует недостоверными анахронизмами и попросту пошлостями. Получился «роман не о пятлетке», заслуживающий резкой критики, которой И. Шпоро не дает. Кстади, И. Шпоро также не дал себе труда сопоставить «Тайгастрой» с вышедшим несколько лет назад в Киеве первым вариантом романа.

О. Грудюва в рецензии о во многом спорной и недоработанной книге И. Васильева «Эпические жанры в кино» лишь похлеще излагает содержание книги, не пытаясь критически оценить ее.

Редуктирование критических рецензий все еще остается слабым звеном в работе журнала. Но все же можно сказать о некотором улучшении журнала. Надо полагать, что стремление к высокому качеству всех публикуемых материалов, к тематическому и жанровому разнообразию содержания станет постоянным правилом в работе редакции журнала «Октябрь».

А. ЛАЦИС

Г. РЫКЛИН

Брак по расчету

В издательство, смущенно покашлявая, входит молодой человек приятной и вместе с тем скромной наружностью.

— Здравствуйте! — обращается он робко к выкату. — Скажите, дядя, где у вас тут принимают рукописи, слабые по своим идейно-художественным качествам?

— Слабые? Если слабые, то прямо по коридору, вторая дверь налево.

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром? — застенчиво спрашивает молодой человек.

— Конечно, не даром. Гонорар платят.

Молодой человек приятной и скромной наружностью идет по коридору и третейской рукой открывает вторую дверь налево.

— Здравствуйте! — обращается он еще более робко к солидному товарищу. — Я, извините, принес рассказ.

— Какой рассказ?

— Небольшой.

— Дело не в размере. Я принимаю рассказы лишь посредственные и малохудожественные.

— Мне кажется... — отвечает автор, скромно потупив глаза, — правда, трудно говорить о своем собственном сочинении... Но мне кажется, что... Словом, не хвастая, могу заявить, что мой рассказ вполне соответствует вашим требованиям.

— Это еще не все, — говорит солидный товарищ. — Я принимаю лишь те рассказы, которые не отличаются большой идейностью. Понятно?

Понял ли все это скромный автор малохудожественного сочинения, не знаем. Но мы уверены, что читатель еще ничего не понял, что читатель недоумевает:

— Неужели есть у нас издательство, где возможен такой разговор между автором и редактором?

К сожалению, кажется, есть.

На-днях Всесоюзное управление по охране авторских прав в Москве получило от Мордовского госиздата официальный запрос:

— Как надо оплачивать произведения, слабые по своим идейно-художественным качествам?

Вот что сказано в этом более чем странном документе:

«Мордовское государственное издательство просит разъяснить положение в части аккордной оплаты рассказов в прозе до одного печатного листа.

Во-первых, обязательно ли нужно оплачивать аккордно все рассказы, если все их отличительные только в том, что автор написал меньше листа (1/8, 1/4, 1/2 и т. д.), но при этом кратко рассказы являются их достоинством, рассказы

малохудожественны, посредственные».

Во-вторых, нужно ли оплачивать аккордно малоизвестные рассказы начинающих, молодых писателей, если их рассказы являются по существу пробы пера — не отнимаются ли большая и меньшая часть из художественности?

В-третьих, если эти рассказы, прежде чем их принять в печать, подвергались большой редакционной правке, местами дописывались за автора с его согласия?

Руководителем Мордовского госиздата, очевидно, левомоем, что произведение, столь исчерпывающе охарактеризованное в трех пунктах письма, кому бы они ни принадлежали — молодым или старым, начинающим или маститым, не только не должны дописываться за автора (даже с его благословенного согласия), но и не должны никак оплачиваться по той простой причине, что они вообще не должны издаваться.

Но у работников Мордовского государственного издательства, видимо, имеется свой взгляд и на экономию средств и на методы взаимоотношений с молодыми писателями. Об этом с гордостью сообщает в своем письме директор издательства М. Бебан. Он пишет, что руководимое им издательство редко прибегало к аккордной оплате побольших рассказов, а платило более экономно — по листам, потому что «печатные малоизвестные рассказы являются, за редким исключением, рассказами начинающих писателей, слабыми по своим идейно-художественным качествам».

Собя тов. Бебан считает настолько заслуженным и маститым, что свои собственные произведения оплачивает по самым высоким ставкам. Так, за последний год, не отходя от кассы, он «заработал» во вчерашнем ему издательстве около 70,000 рублей гонорара. Другие авторы, дело ясное, могут потешиться, уступая дорогу у гонорарной ведомости самому директору.

Но, в общем, дамы и дамы и экономные люди работают в Мордовском издательстве. Любители строгого планирования, они уже заранее подсчитывают, какую сумму им следует предусмотреть на оплату индивидуального, а также коллективного (с дописыванием за автора) литературного брака.

Поручи таким людям словоизводство, и они, чего доброго, научат оплачивать не только тех работников, которые успешно развили трюки и розы, но, пожалуй, и тех, чьими стараниями произрастают крапива, чертополох и тому подобные малохудожественные произведения природы.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

В. В. Гуря, «Михаил Александрович Шолохов». Био-библиографический справочник. Саратов, 1950, стр. 78.

ДЕКАДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Секретариат Союза советских писателей СССР постановил провести в ноябре нынешнего года декаду азербайджанской литературы.

Выступления, входящие в программу декады азербайджанской литературы, намечены провести, кроме Москвы, также в Ленинграде, Риге и Таллине, куда азербайджанские писатели выедут после выступления в столице. Это — новое в организации декад национальных литератур. До сих пор, как известно, участники декад выступали исключительно в Москве. Теперь они получают возможность встретиться со своими читателями, живущими и в других городах братских республик.

Во время декады в Союзе советских писателей СССР состоятся творческие обсуждения прозы, поэзии, драматургии, детской литературы, литературоведения и критики Азербайджана, в которых примут участие писатели Москвы и Ленинграда.

Началась подготовка к декаде. В Баку выехала группа русских писателей для перевода лучших произведений азербайджанской литературы, трудов по литературоведению и критике.

Более пятидесяти книг будет выпущено на русском языке азербайджанским государственным издательством и более десяти — в Москве и Ленинграде. Читатели получат в числе других книг поэму Низами «Искендер-наме», сборник сатиры Алекбера Сабера, рассказы, повести и пьесы Абдурагима Алекберова, рассказы Дж. Мамед Кули-заде. Современная литература будет представлена поэмами Самеда Вургана, однодунными стихами Сулеймана Рустама, Мамеда Рагима, Расула Раза, пьесами Джафара Джабраила, романами Мехти Юсеина «Апшерон», Мирзы Ибрагимова «Настанье деня», А. Абулбасана «Война» и другими.

Союз писателей республики готовит для декады выставку достижений кинооперации в Советском Азербайджане. На выставке будут экспонированы изданные на азербайджанском языке произведения классиков марксизма-ленинизма, русской классической и советской литературы, книги писателей братских республик. Большой раздел посвящается произведениям азербайджанских писателей.

На декаду приедет большая группа деятелей искусств Азербайджана.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ, ЕГО РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ»

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летописи» Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину. Составитель тома И. В. Арнольд за государственный счет опубликовал свои фамильные архивы. 7 июня в № 46 нашей газеты было напечатано письмо тов. В. Д. Бонч-Бруевича, редактора «Летописи» и заместителя редактора Государственного литературного музея, посвященном поэту начала XIX века С. И. Марину.

В фельетоне З. Паперного, помещенном под таким заголовком в № 18 «Литературной газеты» от 1 марта 1950 года, критиковались грубые и явные ошибки, содержащиеся в том «Летопис

Обзор военных действий в Корее

— Ни шагу назад от реки Кымган! — такой приказ отдал генерал Макартур американским войскам, когда они недавно заняли оборону на южном берегу этой быстротекущей реки. Но «бледнолицый микадо» — Макартур оказался бессильным перед наступающими частями Народной армии, несущими свободу и независимость населению Южной Кореи. В результате двухдневных боев, происшедших 15 и 16 июля, «линия Макартура» на реке Кымган рухнула.

Находящийся на фронте корреспондент агентства Юнайтед Пресс Миллер так описывает сражение на реке Кымган: «Сначала северокорейская артиллерия заставила американцев зарыться в землю. Затем огромная масса пехоты преодолела холмистое пространство и вскоре установила контроль над важными коммуникационными линиями, связывающими американские фронтальные и тыловые части». Лондонское радио сообщало, что Народная армия вела клин между американскими и южнокорейскими войсками, действующими в районе Тэчжона.

Фасеривав водный рубеж, части Народной армии создали предосторожное укрепление на южном берегу Кымгана и начали развивать наступательные действия в излучине реки в направлении на Тэчжон. 17 июля части Народной армии заняли аэродром в 3 км от этого города, а 18 июля, по сообщению агентства Рейтер, заняли Тэчжон. Этот город является важным стратегическим пунктом, откуда плет железнодорожные магистрали к крупным южнокорейским портам Пусан (Фузан) и Мокпо.

После ожесточенных боев под Тэчжоном части Народной армии продолжают продвижение на юго-восток от этого города. Как передавал токйский корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс, американские войска начали широкое отступление от Тэчжона к подножию гор, расположенных в 56 километрах к юго-востоку.

Оттеснив потрепанные части 24-й американской и 8-й южнокорейской дивизий, Народная армия освободила также Кочжу (Косю), Хонсон (провинция Южный Чунчун) и Мунген (Бунсей) в провинции Северный Кенсан. Американская печать признает, что 24-я дивизия понесла большие потери, в том числе и среди офицерского состава.

На южном берегу реки Кымган части Народной армии окружили американские войска и вели бои по уничтожению их. Согласно данным суэцкого радио, в результате сражения в районе Тэчжон толь-

ко за 17 июля уничтожено свыше 2500 американских солдат и офицеров, взято много пленных. Захвачены большие трофеи, в том числе танки, 71 орудие и другое вооружение. Американские и лысинаманоуские войска, как отмечается в сводке главного командования Народной армии, продолжают безостановочно отступать на юг.

Все больший размах принимает в Южной Корее партизанское движение. Так, в районе Андон наступательные действия Народной армии поддерживаются партизанскими отрядами, которые разрушают коммуникации между Тэчжоном и Тайгу. Операции партизан развешиваются и в глубоком тылу противника, в частности на побережье Корейского пролива. Наиболее активно партизанские отряды действуют в провинциях Южной Кенсан и Южная Чеджа.

Продолжаются также наступательные действия десантных частей Народной армии, высадившихся на восточном побережье Японского моря. Здесь, как сообщает корреспондент агентства Рейтер, войска Народной армии заняли город Йондок, расположенный в 150 километрах к северу от Пусана.

Характеризуя десантные операции Народной армии, военный обозреватель американской газеты «Дейли компас» Вернер отмечает, что они представляют серьезный удар для американской обороны. Он пишет: «Кажется почти невероятным, что северокорейские войска могут продолжать десантные операции, несмотря на англо-американскую блокаду».

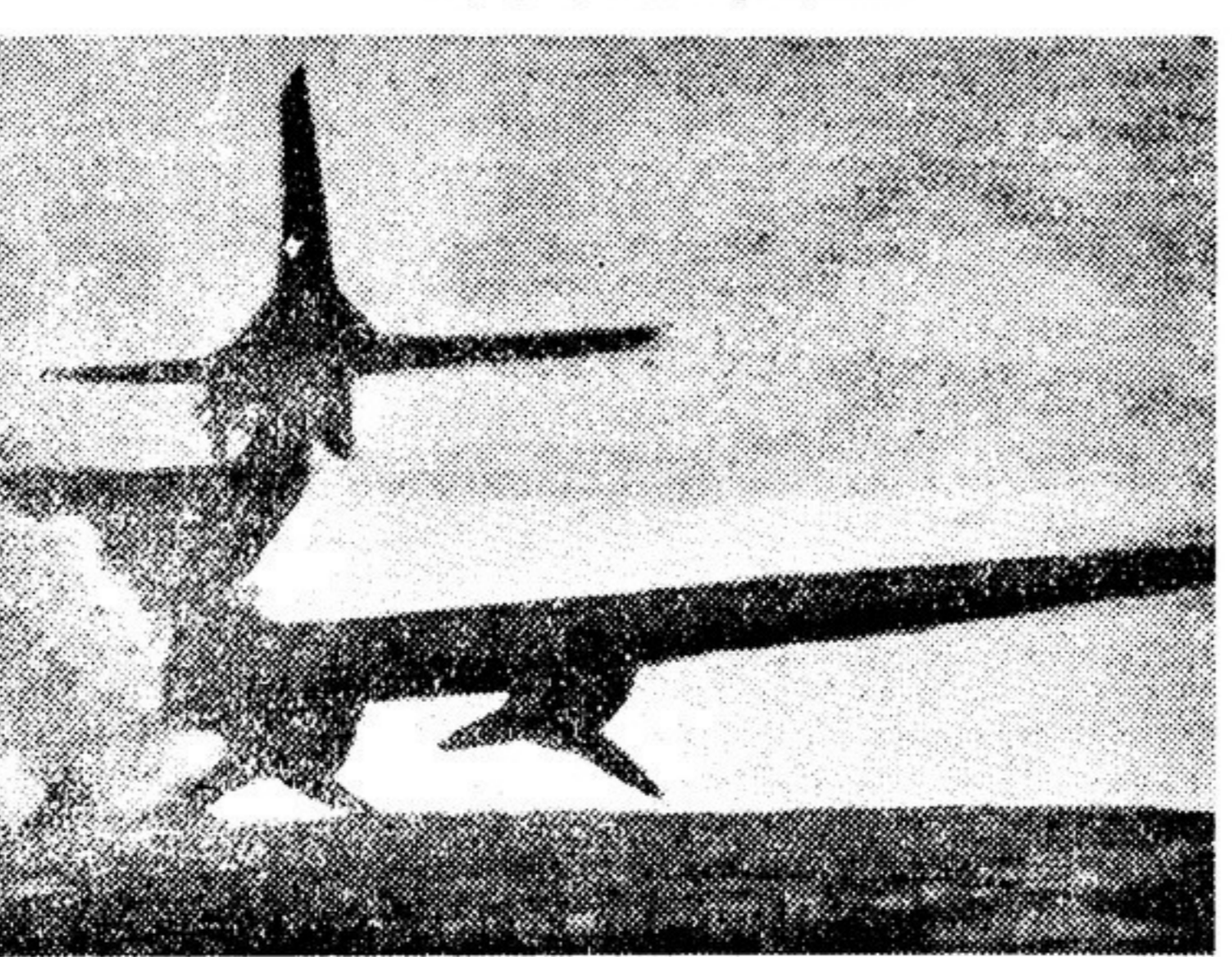
— По кто же будет спасать спасающих? — спрашивает тот же обозреватель, имея в виду американские войска, оказавшиеся на корейском фронте в весьма тяжелом положении.

На этот вопрос не может дать ответа и весьма часто хвастающий своей осведомленностью американский журналист Дрю Пирсон. Он вынужден открывенно констатировать: «Сообщения о военных действиях в Корее никогда не были более мрачными».

В обращении главнокомандующего корейской Народной армией Ким Ир Сена к командирам южнокорейских войск указывается, что в итоге 3-недельных боев полностью освобождены провинции Кенги и Канвон, а также значительная часть провинций Северный и Южный Чунчун.

Под ударами Народной армии, говорит Ким Ир Сена, марionеточное правительство Ли Силу Ману рухнуло, прекратило свое существование также «Национальное собрание» Южной Кореи. Большинство членов «Национального собрания» перешло на сторону корейского народа. «Вы должны находиться на стороне своего народа и драться против агрессоров — американской армии», — говорит Ким Ир Сена в своем обращении.

Авиация корейской Народной армии совершает успешные налеты на американско-лысинаманоуские аэродромы. НА СНИМКЕ: оббитый пламенем американский транспортный самолет «С-54», подожженный северокорейскими летчиками в дни боев за Суwon, во время штурмового налета на суwonский аэродром.

На освобождение Назыма Хикмета

...Свобода Вас примет радостно у входа, И братья меч вам отдадут. А. ПУШКИН

Запомнится на много лет Мгновенный снимок этот четкий: Железные перелет решетки И за решеткою — поэт.

Бордам за родную землю Такой узор железных кружев. За ним Рылеев и Бесгужев. В тюрьме томились под замком.

В темницу брошенный Хикмет Двенадцать лет не видел поля. Двенадцать зим, двенадцать лет Из жизни вырвала неволя.

Но, изурнанный и больной, Поэт, как прежде, в песнях молод. Хоть волосы тюремный холод Заметно тронул седой.

Не осудили — взяли в плен Его неправедные судьи. И, как орел с разбитой грудью, Он вышел из тюремных стен.

Он — на свободе. Но свобода Его не встретила у входа. Еще страна его в плену. Она томится немотою, И тянут цепью золотую Ее в кровавую войну.

Но если скончана лира Нам из тюрьмы была слышна, Как сильно зазвучит она В защиту родины и мира!

На снимке: Назым Хикмет в тюрьме города Бурсы. Решетки, вырвала его могучая воля борцов за мир и демократию. (Снимок из турецкой газеты «Акшам»)

«Назым Хикмет освобожден!» — эти слова повторяют сегодня с чувством величайшей радости и гордости турецкие патриоты и все честные люди земного шара. Это благодаря их усилиям, благодаря их настойчивости, благодаря их сластолюбивости пламенный поэт-демократ, 12 лет томившийся в тюрьмах застенков, выпущен на свободу. Лазерь мира и демократии одержал еще одну победу над лагерем империализма и войны: охватывая все страны кампания борьбы за освобождение турецкого поэта Назыма Хикмета увенчалась успехом. Волна протеста против произвола турецкой реакции разбила тюремные заставы — Назым Хикмет освобожден!

Герои боев с интервентами

Вчера среди трофеев, взятых в бою солдатами Народной армии, оказались 10 новейших 105-миллиметровых орудий с полным запасом снарядов и мощный танк, застрявший посреди рисового поля. Все эту технику бросили в полной исправности американские горе-войска.

Вместе с трофеями были захвачены пленные. Один из них и рассказал об обстоятельствах, вынудивших американских солдат оставить технику на поле боя и бежать без оглядки. Артиллеристам, сообщая об этом, показалось, что части Народной армии обогнали их. Оставив в наизине орудия на огневой позиции, они сели на тягач и обратились в бегство, не сделав ни одного выстрела.

Страх перед оружием охватило и американских танкистов, которые побоялись вытаскивать танк, застрявший в непосредственной близости от противника, и попросту «распростились» с ним.

Как жалко выглядят на поле боя эти солдаты Трумэна—Макартура! Их терзают и громят героические сыны демократической Кореи, которые сражаются самоотверженно и победоносно против предателей родины, против ее инземных поработителей, за счастье и свободу своего народа!

И свободолобивый корейский народ торжественно венчает лучших своих сынов лаврами героизма и отваги.

В центральной печати уже появились первое сообщение о доблестных войнах Народной армии, моряках Ким Гун Ок и Ли Ван Гыне, удостоенных высокой награды — звания Героя Корейской народной-демократической республики.

Сегодня мы имеем возможность кратко сообщить читателю о новых именах отважных сынов корейского народа, чьи подвиги доставили им ту же награду.

Среди двенадцати достойных, которым вручены медали «Золотая Звезда» и ордена Государственного знамени первой степени, мы находим имя героического водителя танка Чен Ки Рена; в часовом бою он уничтожил десять огневых точек и подавил одиннадцать вражеских орудий.

Удостоенный звания Героя бесстрашный сержант Ким Тин Болъ ворвался в Сеул в

районе восточных ворот, разминировал подходы к ним и выбил засевших там лысинаманоуцев.

В числе двенадцати славных мы видим и командира полка Ли Хуна. Действовавший под его командованием полк разгромил неприяТЕЛЬСКОЕ дивизию в боях за Тондуцен и первым ворвался в Суwon.

Высокой награды удостоен также командир отделения Ким Хон Еп; его отделение приняло бой с вражеской частью; сам Ким Хон Еп был ранен в бою, но не покинул своего поста; когда же у него вышли все патроны, кинулся в рукопашную, забрасывая противника гранатами. Он лично уничтожил 55 вражеских солдат, а вместе со своим отделением взял более ста пленных и много трофеев.

Ким Ту Себ — командир танковой роты, смело проникший в расположение оборонного лысинаманоуевского полка с «устрашающим» названием «Желтые тигры». Рота под его командованием подавила несколько дотов, захватила много пленных и богатые трофеи.

Сержант артиллерии Ким Иль Сон организовал переправу через реку Ханган. Мост был взорван, лодка на берегу не оказалась, наместе только полуразрушенный старый плот. И на этом плоту Ким Иль Сон, выполняя приказ командования, несколько раз переправлялся под ураганным огнем врага с одного берега на другой.

Илье грудь Ким Ту Себа и Ким Иль Сона украсила Золотая звезда Героя.

Летчик Ким Ли Ок — мастер воздушного боя. Его имя наводит страх на американских летчиков. На его личном счету более пятнадцати сбитых вражеских самолетов. Ким Ли Ок также значится в первом списке Героев.

Мужественно, стойко, победоносно сражается корейский народ, отстаивая честь и свободу своей родины. Под натиском Народной армии отступают американские войска, оставляя на поле боя богатые трофеи — эти вещественные улики затеянной империалистами агрессии.

Ирина ВОЛК ПХЕНЬЯН, 18 июля. (По телеграфу)

ТОЛЬКО ФАКТЫ

Слезоточивые гуманисты

Три конкурирующие американские химические компании — так называемые правительственные лаборатории, фирма Эрис и фирма Мэнвилл — заняты производством отравляющих веществ, противоязв и других атрибутов химической войны. Они готовят также бомбы, мины и петарды со слезоточивыми газами, предназначенные специально для подавления забастовок, разгона митингов, массовых шествий. Вот пришедшие немецкой газетой «Зонитат» (№ 24) выдержки из рекламных проспектов, рассылаемых этими фирмами владельцам крупных предприятий с предложением запастись «всем необходимым» на случай возможных «беспорядков»:

«Наши газовые петарды — весьма гуманное средство», — уверяет одна фирма; «Наши газовые бомбы», — заявляет другая, — наиболее эффективные среди всех, произведенных в стране»; «Нам газ Д. М. действует ошеломляюще, он вызывает ощущение удушья, появляется такое чувство, будто на вашу глотку наросло сразу несколько человек», — обещает третья.

Корей в Синг-Синг!..

Несколько строк из «Хелс Ньюс» — издания департамента здравоохранения штата Нью-Йорк — рекламирует размещение главного врача знаменитой американской тюрьмы Синг-Синг:

«Размеренность привычек, покой и замедленный темп тюремной жизни... окупают веру над любыми чувствами... Горе; испытываемыми заключенными... Заключенному нет надобности переживать мучительную перспективу высылки из квартиры, испытывать страх перед возможностью быть уволенным с работы, ему не нужно вести жизнь, полную борьбы и соперничества, не нужно испытывать страх перед голодом».

Так вдохновение тюремного врача не оставляет ни раз камня на камне от мизантропного загляда «американского образа жизни», усердно восхваляемого штатными пропагандистами Уолд-стрита!

Ось Мадрид—Вашингтон

Р. КАРМЕН

В ночь на 18 июля 1936 года в Исламском Марокко и на Канарских островах вспыхнул фашистский мятеж. На следующий день, по заранее разработанному плану, генералы в различных частях страны примкнули к мятежу. Началась война, в которой на одной стороне воевали фашисты, пользовавшиеся широкой поддержкой международной реакции, на другой — героический испанский народ...

Мадрид! Суровый и прекрасный, незабываемый Мадрид! Окутанный туманами Мадрид 1936 года!

Его трапезы и баррикады строили рабочие и ученые, дети и старики, продавцы и хозяева магазинов, художники и поэты. Среди них я видел Долорес Ибарури. Стиснув ухом на затряса черную платку, она была кривой в каменистую кафельную землю; изредка отходя, она выпрямляла спину и смахивала рукой капельки пота с высокого горлого лба.

Тогда в Мадриде вихорь хорионы без цветов. Не было цветов в Мадриде. За черной пеленой пожаров не видно было солнца. И люди стояли у стези Мадрида на смерть, до тех пор, пока дувители светлой Испании — трижды презренные маклеры из Берлина, Лондона и Вашингтона — не бросили Испанию, обезоружившую, со связанными руками, на кровавую расправу фашистам.

Сейчас в Мадриде хозяйничают шпика и спекулянты; «перемешанные» гестаповцы и американские майоры военно-воздушной службы пьют малагу в переполненных кафе на Гран-Виа. Вдоль Калье де Алкала вереницей несется роскошные автомобили «миллионеров песетов», разбогатевших на том, что миллионы испанцев умирают с голода.

Медленно шагая по улицам, глядясь в лица прохожих, пакеты французской охралки. Они ходят парами в черных мундирах с автоматами на ремне. Один журналист, посетивший Испанию, писал: «Две черные спины, маячащие передо мной, где бы я ни был, заслонили от моего взгляда Испанию». В переулках они снимают автоматы с плеча. В районах Тетуан, Буатро Каминес стреляют и затем бросают окровавленных людей

в черные машины. Из подвалов Губернасион на Пуарта дель Соль никто не возвращается. «В Испании царит социальный мир и порядок», — говорит Франко.

Прошли времена, когда туристы привлекали в Испанию вышитые золотом куртки стальных тореро, апельсиновые рожи Леванта и стук кастаньет. Когда советские танки шли по мостам через Одер, на мадридском аэродроме приземлились тяжело нагруженные «юнкерсы» с «туристами», предпочитавшими климат Иберии камерам Нюрнберга. Незадолго до этого Франко довольно громко кричал: «Если Берлин будет в опасности, Испания пошлет миллион солдат для его защиты!». Потом он молча расквартиривал в мадридских отелях гостей из Берлина и молча выехал на крушение своих хозяев. Мадридский гаулейтер выжидал.

Он всегда умел выжидать, во-время продавать своих покровителей и быстро менять ливрею. Трусливый изверг, которого народ презрительно назвал «епекево» — коротышка, прославившийся изощренной жестокостью в марокканских походах и в подавлении восстания астурийских горняков, был верным холуем Гитлера и Муссолини.

А когда одного хозяина Франко повесили вверх ногами на мильонской площади, а другой ступил на дне бетонного бункера, не дожидаясь «миллиона солдат», — опытный полицейский пес сразу повернул окровавленную морду по ветру, почуял новых хозяев за океаном и начал подавать им свой хриплый заискивающий голос. Ему ответили. С обивающим палачом обрались, как с единомышленником.

Как всегда, первым заговорил Уинстон Черчилль. Он припал протянуть руку помощи кровавому псу. Ободренный этим, фашистский флягер немедленно выразил готовность вступить в «западный союз». Франко заявил: «Желательно сделать наши отношения более близкими и подготовиться

к совместным действиям в будущем». В Мадрид потянулись «туристы». Из Лондона и Вашингтона. Банкиры, деловые, члены различных миссий Уолд-стрита. В мундирах и без мундиров. Государственный департамент без конца публиковал сообщения об «обычной туристской поездке» той или иной группы сенаторов, о «частном характере» мадридских визитов. Истинную цель этих поездок выдала американская печать, которая открыто начала писать об Испании, как о «важнейшем стратегическом плацдарме» в военных планах США.

О планах махровых поживателей войны писал журнал «Юнайтед стейтс Ньюс энд уорлд репорт»: «Франкскому Испанию рассматривают как возможного союзника США. Серьезно изучается вопрос о том, во что обойдется приведение ее в боевую готовность. Франко сильно нуждается в долларах для спасения экономики страны. С ним можно торговаться».

За словами последовали реальные дела. Помощь не замедлила прийти. Американские банки начали отхватывать кусок за куском промышленности Испании, они протянули жадные лапы к богатым недрам страны. Английские лебедки заключили с Франко договоры о товарообороте на сотни миллионов фунтов стерлингов.

Антони Иден — один из директоров крупнейшего медного концерна в Андалузии «Рио-Тинто компания». Тот же Иден скупили акции металлургических заводов в Бискайе, Луканской рудной компании. Совершил Идена спокойная, когда он делит барыши с палачом.

Американцы повели себя в Испании, как в своей вотчине. Они вели переговоры с Франко, чтобы, как писала американская печать, «заполнить пробелы, все еще имеющиеся в стратегических планах США». Одно из звеньев этих планов — «освоение» Пиренейского полуострова в качестве «оперативной базы на европейском континенте», то-есть превращение Испании в американскую военную базу, стратегический плацдарм для будущей войны.

И когда уже стало бесполезно скрывать и «опровергать» постыдный военный и политический сговор с гитлеровским последствием, вызвавший возмущение и тревогу у миллионов простых людей по обе стороны океана, мистер Атчесон решил, что настал момент сбросить маску, положить крапленые карты на стол. Атчесон выступил с заявлением о политике США в отношении Испании.

Испания должна быть исправлена, — заявил он. — США уже предложили Испанию начать переговоры о заключении договора о дружбе, торговле и мореплавании. США готовы на сессии Генеральной Ассамблеи голосовать за резолюцию, которая решит вопрос о возвращении послов в Мадрид.

Не так давно востем членов палаты представителей, в том числе член комиссии по иностранным делам Ричардс, потребовали немедленного возобновления в полном объеме дипломатических отношений с Франко. Поверенный в делах США в Мадриде Калбертсон уже наметил практические мероприятия. Он заявил: «США на ближайшей сессии поддержат предложение об отмене решения ООН от 1946 года, направленного против Испании». По существу, это — личное признание задним числом давно уже существовавшего военного сотрудничества, превращающего Испанию в военно-воздушную и морскую базу Соединенных Штатов в Европе. В Испании закончено сооружение 90 крупных военных аэродромов, на каждом из которых мы расположиться весь «военно-воздушный флот» Франко. Построена крупнейшая авлабаза в Баракосе, находящаяся на высоте 2000 футов и свободная от туманов. На нескольких аэродромах сооружены длинные взлетно-посадочные площадки, приспособленные для старца «летающих крепостей».

Для инспектирования этих баз в Испанию, на Балеарские и Канарские острова и в Испанское Марокко прилетают начальники штаба военно-воздушных сил США в Западной Германии Дуглас и командующий службами морского и воздушного транспорта США генерал Каттер, командующий американской авиацией в оккупационной зоне Германии и другие.

Крупные военно-морские базы созданы в Ла-Корунья, Аликанте, Кадисе, Малаге.

Под крылышком новых хозяев кровавый каудильо нагнетет не по дням, а по часам. «Кепево» нагонится на пылочки, выжигая, надувает грудь, вопит о священной воле против коммунизма, обещает американцам «миллион солдат, готовых сражаться под своим командованием» (всего тут же миллион!). Он объявляет все европейские государства «неумелыми и устаревшими» — слонком преданными... марксизму. Коротышка набивает себе цену: «А я, мол, не такой! Я — именно то, что нужно хозяину. Возьмите меня!» Он открывисто торгует своей родиной и кровью своих соотечественников. «Испания рада пойти на соглашение с единственно богатой и сильной страной — Америкой», — заявляет Франко.

«Американской молодежи нет необходимости проливать кровь в Европе». Для этого есть кровь испанцев. В одном из интервью он подхалимски впадает: «В известном смысле мы, испанцы, считаем себя американцами!». В 1942 году, когда он принимал Гиммлера, «испанцы Франко» считали себя «немецкими». Известно, признал ли государственный департамент США «испанцев каудильо» американцами, но «Кейп нашингтон» уже представил Франко заем в 50 миллионов долларов. Вслед за тем Мадрид посетили высокопоставленные посланцы Уолд-стрита — председатель «Кейп нашингтон» Олдрич и вице-председатели этого же банка Барт и Кейп, которые обсуждали с Франко «экономическое и финансовое положение» страны. Приблизил одна за другой комиссии сенаторов, банкиров, генералов. По официальной испанской статистике, 12 тысяч американцев прибыли в Испанию в 1949 году. Они совещались с Франко, принимают военные парады, наперебой выражают уверенность в скором включении Франкской Испании в «план Маршалла» и Атлантический пакт.

В Америке уже не говорят о «пробле» в стратегических планах США в Европе, каким являлась Испания, ныне превращенная в плацдарм американских вооруженных сил. Пробел заполнен. Группа высших испанских офицеров прибыла не-

давно в штаб американских оккупационных войск в Германии; большие группы испанских офицеров направлены в США для «взаимного контакта с верховным командованием американской армией». Недавно США и Испания подписали воздушную конвенцию...

Таковы факты. Таковы позорные, чудовищные события, происходящие на глазах у всего человечества, лишь пять лет тому назад завершившей битву с фашизмом. Страх перед растущим во всем мире могучим движением миллионов людей за мир вынуждает обезумевших поджигателей войны обратиться вновь к фашизму. Руки заокеанских «демократов» тащутся к окровавленной лапе фашистского полдюка.

По не американским гангстерам и не их разрастанию кровавым лакеем дано решать судьбу испанского народа! Бойцы Галсия и Эстремадуры, Леванта и Гренады не прекращают борьбы и не чувствуют себя в ней одинокими. С ними — весь мир честных людей. С ними на первой линии огня — коммунисты. Их ведет закаленный в боях вождь — любимая народом Долорес Ибарури. Гордый дух непреступной Гадарды, митяжной Астурии, стойкого Мадрида встает над боевыми знаменами сражающейся Испании.

Отряды герильеро идут по истерзанной родной земле. Сражаются и ведут суровый счет. Палачам будет помянуто все: миллион казненных испанцев и каждый доллар, оплаченный их кровью. Каждая слеза ребенка, каждый предсмертный стои, каждый приговор полевому суду, вынесенный в угоду Нью-Йоркским биржевикам.

Солнце вернется в Испанию. В счастливый, радостный день придет на помощь старая, одинокая испанская мать в стоптанных башмаках и черном платке на седой голове, все испытывавшая, все вышедшая испанская мать. И она с удовлетворением увидит висельник, где будет качаться вина голой тучной тело палача Франко — друга Гитлера, Муссолини и Атчесона.

Переключена висельник будет последней «осью» для коротышки Франко.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.